

Михаил Крутиков

(Мичиганский университет, Энн Арбор, США)

Профессор славистики и иудаики, Мичиганский университет, Энн Арбор

E-mail: krutikov@umich.edu

ID ORCID: 0000-0002-3853-4118

«Пощекочите немного свою музу».

К переписке Шолом-Алейхема с Иегудой-Лейбом Гордоном*

Аннотация: Вводная статья к публикации переписки еврейского писателя Шолом-Алейхема и поэта-гебраиста Иегуды-Лейба Гордона, подготовленной Александром Френкелем, помещает эту переписку в культурно-исторический контекст конца 1880-х годов, когда одним из центральных вопросов еврейской культурной жизни стал вопрос о еврейском национальном языке. Во вводной статье анализируется тактика, к которой Шолом-Алейхем прибегал для продвижения своего издательского проекта, «Еврейская народная библиотека», направленная на привлечение видных литераторов, таких как Гордон, и прослеживается эволюция отношения Гордона к идишу – от резко отрицательного до умеренно положительного.

Ключевые слова: Литература на идише, иврит, публицистика, Шолом-Алейхем, Иегуда-Лейб Гордон

DOI: 10.31168/2658-3364.2018.1.4.2

Переписка Шолом-Алейхема с Иегудой-Лейбом (Львом Осиповичем) Гордоном интересна в нескольких аспектах. Эти письма не только добавляют важные детали к истории альманаха «Di yidishe folks-bibliotek» («Еврейская народная библиотека»; 1888–1889) – литературного проекта, призванного реформировать литературу на идише и представить Шолом-Алейхема ее центральной фигурой, – но и позволяют лучше понять позицию будущего классика этой литературы по отношению к многоязычию еврейской культуры. Не менее интересен и критический взгляд Гордона на своего амбициозного молодого коллегу и его начинание. Наконец, эта корреспонденция, которая лишь сейчас впервые собрана и введена в научный оборот как единое целое¹, представляет собой выразительный текст, не лишенный

* Автор выражает глубокую признательность Александру Френкелю за его многостороннюю помощь при подготовке этой статьи.

¹ См. материал «Переписка Шолом-Алейхема с Иегудой-Лейбом Гордоном» в настоящем номере журнала.

художественных достоинств и ярко демонстрирующий нам еврейский «литературный быт» конца XIX в.

Отношение Шолом-Алейхема к проблеме языка в еврейской литературе исследовано достаточно подробно. Как отмечает израильский исследователь Авраам Новерштерн, в начале своей литературной карьеры, на рубеже 1870–1880-х годов, Шолом-Алейхем не проявлял интереса к идишу – в те годы он «колебался между русским, языком его собственного обучения, и симпатиями к ивриту» [Novershtern 1971, 165]. В первых корреспонденциях, напечатанных им на иврите в газетах «Гацефира» и «Гамелиц» в 1879–1882 гг. под своим настоящим именем Шолом Рабинович, начинающий литератор критиковал традиционный хедер и подчеркивал важность изучения русского языка, на котором получил образование и сам. Однако вскоре в петербургском еженедельнике «Yidishes folksblat» («Еврейский народный листок») начали появляться его рассказы и стихотворения на идише. Как он позже вспоминал, стимулом для обращения к «жаргону» явились три соображения: во-первых, идиш «доступен *всем евреям, даже женщинам!*»; во-вторых, идиш позволяет писать прямо «так, как ты думаешь», не переводя мысленно с одного языка на другой; и, в-третьих, идиш обладает богатым изобразительным потенциалом. Шолом-Алейхем возвратился к сочинительству на иврите лишь в период работы над «Еврейской народной библиотекой», то есть когда его статус в литературе на идише уже стал общепризнанным [Там же, 164–166]. В 1888 г. в своих письмах он высказывался в защиту идиша от нападков со стороны поборников иврита. Поводом к этому послужило опубликованное в «Гамелице» письмо знаменитого немецко-еврейского историка Генриха Греца, в котором тот категорически запретил издавать свою «Историю евреев» в переводе на «жаргон» [Kresl 1954, 338].

Эпизодом, гораздо более значимым для истории еврейской литературы, стала развернувшаяся в тот же период (1887–1888 гг.) полемика вокруг сочинений Шомера (Нохем-Меера Шайкевича), автора многочисленных бульварных романов на идише, заполнивших книжный рынок с конца 1870-х годов. Одним из первых критиков Шомера выступил Семен Дубнов, фрагменты статьи которого из журнала «Восход» перепечатал в переводе на идиш Исроэл Леви, издатель «Yidishes folksblat». Судя по всему, сам Леви относился к идишу чисто утилитарно. С его точки зрения, «жаргон» был пригоден лишь для просвещения масс, но не обладал какой-либо культурно-эстетической ценностью. При этом Леви хорошо понимал, что скандалы привлекают интерес читателей и повышают прибыль. Оживленная полемика, в которой принял участие и сам Шомер, продолжалась на страницах «Yidishes folksblat» несколько месяцев. Шолом-Алейхем счел необходимым собрать все критические аргументы против Шомера в отдельной брошюре, которую за свой счет издал под названием «Shomers mishpet» («Суд над Шомером»; Бердичев, 1888) и предназначал, как следует из письма Гордону, «для распространения в народе». Из нее становится ясен не только тот тип

литературы, который Шолом-Алейхем отвергал, но и тот, который он предлагал взамен. В определенном смысле, – пишет американский исследователь Джастин Камми, – Шолом-Алейхем «изгонял собственных демонов», используя Шомера как своего рода пугало [Sammy 2008, 91].

Выработанные в ходе полемических баталий новые представления о еврейской литературе как культурном и эстетическом явлении нашли выражение в проекте «Еврейской народной библиотеки». В письме Дубнову Шолом-Алейхем сформулировал двойную цель своего начинания. С одной стороны, он стремился «дать возможно больше лучшего материала за доступную цену и дать возможность нуждающимся литераторам <...> зарабатывать рубль-другой». Но помимо этой утилитарно-благотворительной цели, имелась и вторая, более амбициозная задача – художественная: «Я хотел подняться на такую высоту, до которой не доходило еще ни одно из подобных изданий, не исключая “Гаасифа”, “Кнесеса” и пр., и вместе с тем оставаться доступным для народа». Сопоставляя таким образом свое издание с «серьезными» литературными альманахами на иврите, Шолом-Алейхем с гордостью добавлял: «В пылу увлечения жаргоном ко мне перешли лучшие силы древнееврейской литературы, во главе коих Вы встретите и Льва Осиповича Гордона, и Д. Фришмана, а за ним маститого Готлобера, и Шацкеса, и Вейсберга, и Егалела, и Калменсона etc.» [Шолом-Алейхем 1888, 236–237]. Как показывает переписка Шолом-Алейхема с Гордоном, пылкость «увлечения жаргоном» со стороны последнего здесь явно преувеличена. Но существеннее то, как начинающий издатель пытался представить свой проект Дубнову, которого называл «высоким покровителем» литературы на идише среди русскоязычных еврейских писателей [Шолом-Алейхем 1889, 243]. Шолом-Алейхему было важно убедить авторитетного критика из столичного журнала, что под его патронажем «жаргонная» литература в состоянии конкурировать с лучшими образцами литературы на иврите. И именно эти притязания, как мы увидим далее, сильно беспокоили некоторых литераторов-гебраистов. Одновременно Шолом-Алейхем полагал, что его сборник будет «оставаться доступным для народа». С этой целью он, например, предлагал изменить некоторые места в переводе «Истории хасидизма» Дубнова на идиш: «...особенно о “Schibche Bescht” нужно с “моими” читателями говорить совершенно в ином тоне. “Мои” читатели могут это принять за чистую монету, и тогда получится второе “Schibche Bescht”» [Шолом-Алейхем 1888, 238]². Это один из многих примеров «просветительской» политики Шолом-Алейхема в соответствии с его представлениями об уровне восприятия литературы воображаемым народным читателем.

² «Schibche Bescht» («Хвалы Бешту»; в современной транслитерации «Shibhe Besht») – сборник легенд об основателе хасидизма Беште (Исроэле Баал-Шем-Тове), впервые напечатанный на иврите и идише в 1815 г. См. рус. пер. М. Кравцова: *Дов-Бер, р. Шивхей Бешт. Хвалы Исраэлю Бааль-Шем-Тову*. М., 2010 (*Прим. ред.*).

Кроме альманахов на иврите, другим образцом для «Еврейской народной библиотеки» служили русские «толстые» журналы, особенно народнического направления, такие как «Отечественные записки» и «Русское богатство», имевшие значительное влияние на российское общество. Шолом-Алейхем, вероятно, видел себя кем-то вроде Некрасова или Михайловского еврейской литературы – одновременно и автором, и критиком, и редактором, активно формирующим и контролирующим литературный процесс. Об этом можно судить по двум томам его альманаха, выпущенным в 1888 и 1889 гг. на собственные средства, унаследованные после кончины тестя, богатого арендатора Элимелеха Лоева (фактически первый том вышел из печати в январе 1889 г.). Потенциальным авторам он обещал платить по-строчно, при этом устанавливая особую таксу сообразно статусу каждого в глазах издателя. Шолом-Алейхем явно рассчитывал, что щедрые гонорары сыграют не последнюю роль в решении адресата поучаствовать в его литературном начинании (в свою очередь это спровоцировало обвинения в «подкупе» ивритоязычных литераторов).

Тематические и жанровые разделы двух томов «Библиотеки» как бы размечали карту обновляемой еврейской литературы, начиная с прозы и кончая библиографией. Самое почетное место среди жанров отводилось роману. Шолом-Алейхему удалось уговорить «дедушку еврейской литературы» С.Я. Абрамовича (Менделе Мойхер-Сфорима) дать в альманах новую редакцию своего романа «*Dos vintshfinger!*» («Волшебное кольцо»), которым открывались оба тома. Замыкал тома раздел «Приложение» с романами самого Шолом-Алейхема «Стемпеню» и «Иоселе-соловей», тем самым как бы противопоставляя поколения «внуков» и «дедов» и одновременно реализую идеи, намеченные в «Суде над Шомером».

Помимо Абрамовича, Шолом-Алейхем обратился еще более чем к двадцати литераторам, то есть практически ко всем, кто напечатал что-либо «серьезное» на идише или иврите. При этом он пытался подыскать подходящий стиль и тон обращения к каждому из них. Иегуда-Лейб Гордон занимал в иерархии двуязычной еврейской литературы того времени высшее место, сравнимое разве что со статусом Абрамовича. Даже небольшое «жаргонное» стихотворение Гордона заметно повысило бы престиж нового издания. К концу 1880-х годов Гордон прочно удерживал мировую славу ведущего поэта на иврите. Его творческий расцвет пришелся на либеральную эпоху Александра II. Именно Гордону принадлежали строки, ставшие своеобразным девизом Гаскалы, еврейского извода европейского Просвещения: «Будь евреем дома [букв. «в шатрах своих»] и человеком вне его...» Эти слова часто цитируются, но при этом, как правило, опускается вторая, верноподданническая строка призыва: «...братом согражданам твоим и рабом государю твоему». Таким образом, Гордон по своему мировоззрению и эстетическим привязанностям находился ближе к первому поколению берлинской Гаскалы эпохи Мендельсона, чем к своим

русским современникам, относившимся к политике самодержавия куда критичнее.

Так или иначе, ожидания Шолом-Алейхема в определенной мере оправдались: практически все, к кому он обратился, прислали ему свои произведения. «Еврейская народная библиотека» пользовалась успехом и у читателей, и у многих известных литераторов, таких, например, как Давид Фришман. Весь тираж в 3121 экземпляр был распродан (при этом тиражи книг Шомера исчислялись десятками тысяч).

2

Для лучшего понимания контекста переписки между Шолом-Алейхемом и Иегудой-Лейбом Гордоном стоит кратко охарактеризовать полемику вокруг первого тома «*Di yidishe folks-bibliotek*», развернувшуюся в еврейской печати сразу на трех языках.

Критика Исроэля Леви в «*Yidishes folksblat*» была издевательски поверхностной. Он находил смешным даже факт публикации альманаха в Киеве, известном в основном вареньем и сахаром [Libtse Hershls 1889a, 8]. Леви утверждал: «...те же самые писатели [авторы альманаха. – М. К.] говорят со своими собственными детьми только на других языках, и они покраснели бы до ушей, если бы кто-нибудь дома услышал от них, не дай бог, хоть слово на жаргоне. А если бы реб Шолом-Алейхем не платил хороший гонорар за каждую строку глупостей, так они бы и пера в чернила не окунули» [Libtse Hershls 1889b, 11].

Критические отклики в еврейской прессе на русском и иврите носили более основательный характер и подвергали сомнению саму идею серьезной литературы на идише. Семен Фруг в еженедельном приложении к «Восходу» категорически заявлял: «Зло, великое зло – жаргон, это несомненно, но зло временное и неизбежное: сотни тысяч человек, составляющих “старое, отживающее поколение”, не умеют читать ни на каком из человеческих языков, и им уже не научиться никогда другому языку, кроме жаргона – нельзя же их лишать одного из лучших достояний культурной жизни – печатного слова». Фруг жаловался, что «жаргонных» изданий стало слишком много, а авторы у них одни и те же: «Зачем же, спрашивается, забрасывать несчастную, нищую массу целыми горами органов, когда она едва-едва в силах поддерживать одно издание?» [Случайный фельетонист 1888, стб. 742–743]. В ответном «Письме в редакцию» Шолом-Алейхем пояснял, что целью его сборника, как и других подобных изданий, является «очистить новую еврейскую литературную ниву от наводнивших ее разных лубочных романов» [Шолом-Алейхем 1888, стб. 821]. Необходимо отметить, что реакция Фруга была вызвана не самим альманахом, а всего лишь анонсом о его планируемом выходе.

Негативные высказывания прозвучали и на страницах газеты «Гамелиц», выходящей на иврите. Poleмику открыл начинающий одесский журналист

Эльхонон-Лейб Левинский, впоследствии видный сионистский публицист. Как и Фруг, он откликнулся не на сам альманах, а на рекламное объявление о нем. Левинский сожалел, что еврейские писатели переходят с иврита на идиш ради высоких гонораров, предложенных Шолом-Алейхемом. При этом отношение Левинского к идишу было двойственным: с одной стороны, он считал его языком примитивным, но с другой – признавал за творчеством современных «жаргонных» писателей определенные художественные достоинства. Тем не менее попытка культивировать идиш в качестве полноценного литературного языка представлялась ему делом искусственным и ненужным. Отвечая Левинскому в той же газете, Шолом-Алейхем, прежде всего, отвергал обвинение в материальном стимулировании авторов, указывая, что Абрамович творит на народном языке уже более двадцати лет. Что касается перспектив идиша, – писал Шолом-Алейхем, – то они неизвестны, но это не повод для того, чтобы отказываться сейчас «греться при свете жаргона». Следуя концепции Дубнова, Шолом-Алейхем рассматривал многоязычную еврейскую литературу как единое целое, в котором достойное место занимает и идиш. В защиту издателя «Еврейской народной библиотеки» вскоре выступил на страницах «Гамелица» литератор и деятель палестинофильского движения Иегошуа-Хоне Равницкий. Он хвалил Шолом-Алейхема за высмеивание Шомера и отмечал, что литература на идише важна, поскольку это единственный язык, доступный простому народу. Ее главным достоинством Равницкий считал способность адекватно и реалистически отражать народную жизнь, для чего непригодны ни иврит, ни русский. Однако это же качество, по его мнению, накладывало и ограничения на художественный потенциал идиша, остававшегося служебным языком. В продолжение полемики публицист Залман Эпштейн высказывал опасение, что серьезная литература может оказаться выше разума простого читателя, тем самым подвергая сомнению одну из основных целей шолом-алеихемовского проекта.

По сути смысл полемики вокруг альманаха сводился к проблеме статуса идиша в еврейской культуре. Критики от Фруга до Левинского считали ненужной, бессмысленной, а то и вовсе вредной попытку поднять этот статус и рассматривать «жаргон» в качестве признанного литературного языка – наравне с другими языками, прежде всего русским и ивритом. Позиции Равницкого и Эпштейна были компромиссными. Они признавали за «жаргонной» литературой определенные достоинства, но при этом полагали, что идиш – в силу как моральных, так и практических соображений – должен знать свое место «прислуги» и не претендовать на равноправное положение с «госпожой» (ивритом)³.

³ Анализ полемики на страницах газеты «Гамелиц» вокруг шолом-алеихемовского альманаха см.: [Novershtern 1971, 174–179; Kresl 1954, 338–355]. Полемика в газетах «Yidishes folksblat» и «Гамелиц» подробно, но тенденциозно разбирается также в работе [Ременик 1963, 52–60].

Стоит обратить внимание, что резкий тон полемики не препятствовал товарищеским отношениям и сотрудничеству между ее участниками. Так, Шолом-Алейхем вскоре познакомился и подружился с Э.-Л. Левинским. А в 1910 году, два десятилетия спустя после «антижаргонного» выступления в «Гамелице», Левинский основал первую в Одессе ежедневную газету на идише «Gut morgn», в которой печатался и Шолом-Алейхем. Другой пример: произведения Семена Фруга (и переведенные с русского, и оригинальные, написанные непосредственно на идише) публиковались в обоих томах шолом-алеихемовской «Библиотеки». Поэзию на идише Фруг обогатил новыми формами, заимствованными во многом из русской поэзии.

Что касается Иегуды-Лейба Гордона, то свое отношение к идишу он сформулировал еще на заре русско-еврейской журналистики – в пространной статье, опубликованной одесским еженедельником «Сион» в октябре 1861 г. В позиции Гордона присутствовала определенная амбивалентность. С одной стороны, он считал, что «жаргон» является «внешним выражением» многовековой отчужденности евреев от окружающего мира и их замкнутости. Однако эти свойства, по его мнению, были навязаны евреям враждебным окружением и «вовсе не коренятся в первоначальном национальном их характере», о чем свидетельствовал тот же «жаргон», служивший «явным доказательством восприимчивости еврейской нации к внешним влияниям». «Жаргон» представлялся автору статьи в «Сионе» своего рода археологическим артефактом: «Кроме древнееврейских и немецких речений <...> в хаотический состав его вошли элементы, заимствованные из наречий всех частей света». Подобно культурным слоям в археологическом раскопе, «каждый род слов свидетельствует о новом изгнании, о новом ограблении сотней тысяч невинных жертв: это – настоящий язык скитальца». В целом Гордон разделял концепцию немецкой Гаскалы, предполагавшую постепенное освобождение от «жаргона» и переход к модели упорядоченного двуязычия, когда иврит функционирует как язык религии и внутриеврейского интеллектуального дискурса, а в домашнем, деловом и повседневном общении используется язык страны или окружающего населения. В то же время будущий классик литературы на иврите не отрицал определенную положительную роль «этого безобразного наречия» как культурного консерванта иврита: «Жаргон со своей стороны способствовал сохранению и обработке у нас чистого еврейского языка» [Гордон 1861, 265–269]. Более того, принципиальное отрицание «жаргона» не мешало Гордону на протяжении почти тридцати лет писать и печатать произведения на нем. В 1886 г. в Варшаве вышел сборник его стихотворений «на народном языке» под названием «Sikhes khulin» («Будничная беседа»).

3

В начале 1860-х Иегуда-Лейб Гордон, как и многие русские *маскилы*, с оптимизмом смотрел на будущее евреев в составе Российской империи. Но к 1888 году его настроение значительно изменилось. Поэт испытывал усталость, близкую к депрессии, его финансовое положение также было шатким. К концу 1888 г. он окончательно ушел с поста редактора газеты «Гамелиц», самого значительного тогда литературно-общественного издания на иврите. Его биограф, американский историк Майкл Станиславски, пишет: «К этому времени Гордон был окончательно убежден, что <...> еврейская журналистика в России оказалась в тупике. <...> Российское правительство окончательно дискредитировало себя в его глазах введением строгой процентной нормы для евреев в образовательных учреждениях и изгнанием их с важных позиций в юриспруденции и на гражданской службе. По его мнению, еврейская интеллигенция обанкротилась, будучи расколотой между националистами, призывающими евреев вернуться в гетто, и ассимиляторами, забывшими о нуждах народа» [Stanislawski 1988, 225]. Как полагает Станиславски, Гордон всерьез задумывался о возвращении в Вильну для отдыха и «духовной бодрости», но чувствовал себя слишком слабым для такого путешествия.

Именно в этот период, период душевного упадка и физической слабости, Гордон получил письмо от энергичного киевского предпринимателя, затеявшего грандиозный проект обновления литературы на идише. Очевидно, Шолом-Алейхем надеялся, что после публикации целого «жаргонного» поэтического сборника у Гордона найдется несколько стихотворений и для «Еврейской народной библиотеки». «Пощекочите немного свою музу, – взывал Шолом-Алейхем, – и пусть видит народ, бедный народ, что “он” сам, Гордон, “тот самый Гордон”, не стесняется и тоже пишет на жаргоне!».

Однако реакция Гордона на этот призыв оказалась скептической. Уже сам выбор им русского языка для ответа на обращение, написанное на идише, давал понять: в отличие, например, от Абрамовича, он не был готов принять шуточный игровой тон, предложенный Шолом-Алейхемом. Интересно, что и реформатору «жаргонной» литературы русский язык показался более удобным для выражения своего критического отношения к ситуации в еврейской прессе. Переход с идиша на русский в конце его первого письма Гордону как бы отмечал границу между образом «народного писателя» Шолом-Алейхема, внука «дедушки» Менделе, и реальным молодым киевским коммерсантом Соломоном Рабиновичем, затеявшим рискованное литературное предприятие и обсуждающим его деловую сторону.

В ответном послании Гордон привел целый ряд причин для отказа принять участие в шолом-алеихемовском альманахе, но в конце все-таки посоветовал воспользоваться переводом на идиш одной из самых знаменитых своих поэм и даже приложил собственное стихотворное предисловие к этому

переводу – тоже на идише. Любопытна и его уклончивая реакция на просьбу отыскать своего родственника, поэта Михла Гордона – с рекомендацией обратиться за адресом к киевскому литератору Ицхоку-Якову Вейсбергу. Не исключено, что в рекомендации этой таился подвох. С Вейсбергом, другом И.-Л. Гордона, как и с другими киевскими гебраистами, по большей части литваками, Шолом-Алейхема связывали непростые отношения. И.-Б. Беркович, зять Шолом-Алейхема, вспоминал об этом так: «Среди “киевских мудрецов” имелись и такие, кто в первые годы относился к Шолом-Алейхему двулично: в глаза ему льстили как богачу, а за спиной наговаривали на него, что он наглец, который высмеивает весь свет и хочет перевернуть литературу с ног на голову. Шолом-Алейхем об этом знал, и однажды ему удалось на свой манер расчитаться с одним из них» [Berkovitch 1958, 185]. Жертвой шолом-алеихемовской шутки стал именно Вейсберг, выставленный в смешном свете перед известным варшавским литератором Давидом Фришманом⁴. Впрочем, тот же Вейсберг принял участие в первом томе «*Di yidishe folks-bibliotek*», поместив там небольшой исторический очерк.

Поняв, что Гордон отказывается участвовать в «Еврейской народной библиотеке» в качестве поэта, Шолом-Алейхем попытался привлечь его как литературного критика, а для приманки послал сборник своих «стихотворений в прозе» («да еще на еврейском жаргоне и для массы!»). Тем самым он как бы принуждал корреспондента дать на книгу положительный отзыв: «Без Вашего отзыва не могу решиться выпустить ее в свет». Можно предположить, что столь откровенная попытка манипуляции вызвала у Гордона раздражение, и он решил высказать киевскому «жаргонисту» все, что думает и о нем, и о «жаргоне». Гордон в общих чертах повторил то, что писал в «Сионе» более четверти века тому назад. Но если тогда он с оптимизмом наблюдал, «как быстро исчезает под влиянием благоприятных условий нашего времени эта замкнутость и отчужденность, искусственно привитые к евреям прежними неправдами» [Гордон 1861, 266], то теперь удивлялся, что молодой человек, выросший в либеральную эпоху Александра II и хорошо владеющий как русским, так и ивритом, избрал языком своего творчества идиш. В глазах Гордона такой выбор выглядел пустым баловством, а перспектива передачи «этого наречия» новому поколению образованных евреев беспокоила его всерьез. «Жаргон» обладал для него известной ценностью только как исторический артефакт, свидетельство живого народного творчества в прошлые эпохи. Поэтому он предложил Шолом-Алейхему отыскать, возможно, с помощью «народного поэта» Михла Гордона, образчик «жаргонной» эпической поэзии, слышанный когда-то в Литве.

⁴ Кроме воспоминаний Берковича, эпизод также кратко изложен самим Шолом-Алейхемом в фельетоне «*Frishman tsu gast bay Sholem-Aleykhem*» («Фришман в гостях у Шолом-Алейхема», 1914). Сокращенный русский перевод см.: [Шолом-Алейхем 1990, 229].

Казалось бы, навязчивому молодому киевлянину ясно дали понять, что диалог закончен. Тем не менее тот отнюдь не собирался отступать. Успокоив столичного гебраиста, что относится к использованию идиша в литературе как к вопросу «чисто практического свойства, без всякой сколько-нибудь идеальной подкладки», Шолом-Алейхем совершил заход с новой стороны. Теперь его вдруг стало обижать, что Гордон ведет переписку с ним по-русски, а не на иврите. Но реальная причина для очередного послания явно была иной: Шолом-Алейхему не терпелось познакомить несговорчивого адресата с собственным полемическим сочинением, направленным против «бездарного скотины-пачкуна» Шомера. В сочинении этом содержались и восторженные строки о поэзии Гордона. Вдогонку Шолом-Алейхем забросал своего корреспондента просьбами о различных материалах, которые, по его мнению, можно было раздобыть в Петербурге. Гордон ответил холодно, в просьбах отказал, подчеркнул, что в переписке всегда старается использовать «отечественный язык», но все-таки предоставил Шолом-Алейхему (наживка сработала) «маленькое удовлетворение» – воделенный стихотворный текст на «жаргоне».

Высланное тогда в Киев элегически-ироническое стихотворение «А brokhe» («Благословение»), написанное в подражание Гейне, вошло в литературный раздел первого тома «Еврейской народной библиотеки». По своему нарочито искусственному языку оно может показаться настоящим вызовом шолом-алеихемовской концепции «народной литературы». Характерно: в своем следующем письме Гордон не удержался от язвительного комментария к поступившей от Шолом-Алейхема фотокарточке: «Вы смотрите настоящим кацапом, хоть сейчас ступай на погром», тем самым еще раз подчеркнув дистанцию между начинающим «жаргонным» писателем и его читателями. В этом замечании можно расслышать и недоумение: зачем такому молодому человеку, даже внешне непохожему на еврея, понадобился язык еврейского простонародья? К тому же Гордон замечал: «...наш литовский жаргон во многом не похож на Ваш волынский» (строго говоря, Шолом-Алейхем происходил не из Волыни, а из левобережной, «казацкой» Украины), тем самым как бы иллюстрируя свой тезис о «хаотичности» идиша как языка.

Полгода спустя, получив от Шолом-Алейхема первый том «Библиотеки», Гордон откликнулся благодарственным посланием на иврите. Остается неясным, почему он изменил обыкновению и не употребил «отечественный язык» (тем более что следующее и, насколько можно судить, последнее его письмо в Киев снова написано по-русски). Возможно, в силу определенных языковых конвенций литературного иврита того времени, тон этого послания получился более мягким, а скептицизм в отношении идиша прозвучал более сдержанно. Подтвердив свое неприятие попыток культивировать «жаргонную» литературу – попыток, в которых ему виделись «неприглядный знак укрепления реакции» и искусственная преграда на пути

к аккультурации евреев, – Гордон тем не менее призвал Шолом-Алейхема предпринять усилия по унификации и стандартизации идиша. В заключение он посетовал на оторванность от еврейской народной среды, «улицы еврейской и двора синагогального», и на то, что жизненные обстоятельства мешают ему включиться в «это важное дело».

В последнем письме, написанном годом позже, после получения из Киева уже второго тома «Еврейской народной библиотеки», Гордон признавал, что в альманахе есть «много дельного и талантливое», но по-прежнему выражал сомнения «в желательности и целесообразности подобного рода изданий для спасения нашего народа». Однако его тон еще более смягчился. Возможно, за два года переписки с Шолом-Алейхемом Гордон убедился в серьезности и значительности проекта создания современной «народной» литературы на идише, хотя и не сделался его сторонником. Именно в таком духе Беркович в своих воспоминаниях передает взаимоотношения двух еврейских писателей: несмотря на скептицизм, «Гордон все же выказал теплое отношение к работе Шолом-Алейхема», не взял гонорара и «хотел быть полезным в получении других материалов» [Berkovitch 1958, 183–184].

4

В контексте отношений между Иегудой-Лейбом Гордоном и Шолом-Алейхемом загадкой остается авторство фельетона «A kol meevever-leyam» («Голос из-за моря»), напечатанного в мае 1889 г. в двух номерах газеты «Yidishes folksblat» за подписью Lord Nobagy [Lord Nobagy 1889a, 3–7; Lord Nobagy 1889b, 3–8]. Дело в том, что фельетон этот, посвященный пространному критическому разбору романа Шолом-Алейхема «Kinder-shpil» («Детская игра»), приписывают по неясной причине именно Гордону [Leksikon 1958, 123].

В начале фельетона автор излагает критерии качества литературного произведения, которые, по его представлениям, связаны с правдоподобием изображения действительности, а затем подробно демонстрирует, что роман «Детская игра» этим критериям никак не соответствует. Чтобы отвести от себя подозрение в предвзятости, он сообщает, что с Шолом-Алейхемом не знаком и «никогда в жизни не встречался с ним ни лично, ни через посредство корреспонденции» [Lord Nobagy 1889b, 3]. Такое заявление дает лишний повод усомниться в авторстве Гордона, литератора с солидной репутацией, не склонного к мистификациям. Но это не умаляет значения самого фельетона. В отличие от прочих критиков Шолом-Алейхема, подвергавших сомнению или насмешке выдвинутый им проект серьезной литературы для народа, но при этом обращавших мало внимания на собственное творчество писателя, Lord Nobagy стремится показать, что это творчество не соответствует назначению, сформулированному самим инициатором

проекта. «Лорд» находит идею «Детской игры» (соблазнение неопытной девушки «пустым» молодым человеком) устарелой, «с бородой, да к тому же с седой бородой» [Lord Nobagy 1889b, 3]. Он недоволен неправдоподобной конструкцией сюжета, примитивностью персонажей, отсутствием морального урока. По его мнению, рассказчик постоянно перебивает героев романа, не позволяя им говорить своими словами, он скорее не романист, а «хронограф», описывающий события без комментариев и анализа.

Lord Nobagy обращает против Шолом-Алейхема те же аргументы, которыми тот сам бичевал Шомера: «Какое отношение имеет его роман и его герои к еврейскому народу? <...> Почему они не могли быть французами, англичанами, немцами и т. п., а должны быть непременно евреями?» [Там же, 4]. Такого рода «общечеловеческие» романы, указывает критик, стоит переводить с других языков, а не пытаться сочинять на «жаргоне», приспособленном лишь для обсуждения специфически еврейских тем и проблем. Одним из недостатков «жаргона», считает Lord Nobagy, является стилистическая бедность: «...если пытаться говорить на жаргоне красноречиво, то надо пользоваться немецкими словами или словами из священного языка [то есть иврита. – М. К.], а это уже не будет “настоящим чистым жаргоном”, как его называют жаргонисты». Интересны и дальнейшие рассуждения «лорда» о развитии идиша и писательской деятельности на нем: «По крайней мере, было бы правомочно требовать от жаргонной квазилитературы, ради большей ее чистоты, чтобы она использовала язык хедера или молитвенного дома, а не создавалась на языке мясной лавки и рыбного рынка» [Там же, 5]. Упомянув в заключение «Суд над Шомером», Lord Nobagy приходит к выводу: «...если писатели на жаргоне будут примешивать к золотому языку порядочную долю цинизма, как в “Детской игре”, то поистине жаль читателей и позор тем настоящим писателям, которые в последнее время начали работать в жаргонной литературе с целью принести пользу простому народу» [Там же, 8].

Безотносительно немаловажного вопроса об авторстве, фельетон «Голос из-за моря» показывает, что выдвинутая Шолом-Алейхемом идея «народной литературы» на идише получила определенное признание и даже могла быть использована против него самого.

Переписка Гордона и Шолом-Алейхема позволяет детально прояснить позиции представителей двух концепций еврейской культуры, принадлежавших к разным поколениям российской еврейской интеллигенции.

Для Гордона, который получил религиозное образование в литовской традиции, ориентированной на изучение еврейских классических текстов, Библия оставалась не только образцом для подражания в его собственном поэтическом творчестве на иврите, но и своего рода идеальной моделью литературного языка – языка со строгими грамматическими правилами и лексическим материалом, установленным раз и навсегда. Шолом-Алейхем,

учившийся в русской школе и воспринявший идеи русского либерального народничества, ценил идиш прежде всего как язык народного творчества, гибкий и открытый к всевозможным влияниям.

Но различия между концепциями Гордона и Шолом-Алейхема не ограничивались сферой языка и литературы. В глазах поэта-гебраиста идиш ассоциировался со средневековым прошлым, а адепты его развития в качестве национального языка выглядели невольными союзниками консервативной политики Александра III, направленной на изоляцию евреев от окружающего населения. Эти представления Гордона, укорененные в идеологии Гаскалы, впоследствии были радикально модифицированы сионистами и в своем крайнем воплощении приняли форму полного отрицания *галута* как наследия трагического и позорного прошлого. Для Шолом-Алейхема идиш выступал языком культурного и социального прогресса, инструментом сплочения еврейского народа, мостом между интеллигенцией и массаами. Издававшаяся писателем «Еврейская народная библиотека» заложила культурные основания идеологии идишизма, ставшей в свою очередь неотъемлемой частью различных автономистских течений. Парадокс истории: сам Шолом-Алейхем эти идеи не разделял и политически склонялся именно к сионизму. В его семье говорили по-русски, а идиш для него оставался языком художественного воображения и творчества.

Источники

- Случайный фельетонист 1888 – *Случайный фельетонист [Фруг С.]*. Буря в стакане // Недельная хроника Восхода. 1888. № 31 (31 июля).
- Шолом-Алейхем 1888 – *Шолом-Алейхем*. Письмо в редакцию // Недельная хроника Восхода. 1888. № 35 (28 авг.). Стб. 821.
- Шолом-Алейхем 1888 – Письмо Шолом-Алейхема С.М. Дубнову от 7 августа 1888 г. // Еврейская старина. Пг., 1916. Т. 9. Вып. 2/3.
- Шолом-Алейхем 1889 – Письмо Шолом-Алейхема С. М. Дубнову от 9 февраля 1889 г. // Еврейская старина. Пг., 1916. Т. 9. Вып. 2/3.
- Шолом-Алейхем 1990 – *Шолом-Алейхем*. Собр. соч. М., 1990. Т. 6.
- Leksikon 1958 – *Leksikon fun der nayer yidisher literatur*. Band 2. Nyu-York, 1958.
- Libtse Hershls 1889a – *Libtse Hershls [Levi Y.]*. S'iz benemones a gelekhter! // Yidishes folksblat. 1889. № 16 (2 may).
- Libtse Hershls 1889b – *Libtse Hershls [Levi Y.]*. S'iz benemones a gelekhter! // Yidishes folksblat. 1889. № 17 (9 may).
- Lord Nobagy 1889a – *Lord Nobagy*. A kol meever-leyam: vegn der nayer zhargon-beletristik // Yidishes folksblat. 1889. № 18 (16 may). Shp. 3–7.
- Lord Nobagy 1889b – *Lord Nobagy*. A kol meever-leyam: vegn der nayer zhargon-beletristik // Yidishes folksblat. 1889. № 21 (30 may). Shp. 3–8.

Литература

- Гордон 1861 – *Гордон Л.* Древнееврейский язык у русских евреев // Сион. Одесса, 1861. № 17. С. 265–269.
- Ременник 1963 – *Ременник Г.* Шолом-Алейхем. М., 1963.
- Berkovitch 1958 – *Berkovitch Y.-D.* Mit der mishpokhe fun shriftshteler // Dos Sholem-Aleykhem-bukh. Nyu-York, 1958.
- Cammy 2008 – *Cammy J.* Judging *The Judgement of Shomer*: Jewish Literature versus Jewish reading // *Arguing the Modern Jewish Canon*. Cambridge, Mass, 2008.
- Kresl 1954 – *Kresl G.* A historishe polemik vegn der yidisher literatur // Di goldene keyt. 1954. № 20.
- Novershtern 1971 – *Novershtern A.* Sholem-Aleykhem un zayn shtelung tsu der shprakh-frage // Di goldene keyt. 1971. № 74.
- Stanislawski 1988 – *Stanislawski M.* For Whom Do I Toil?: Judah Leib Gordon and the Crisis of Russian Jewry. New York, 1988.

“Please Tickle Your Muse a Little Bit”: On the Correspondence between Sholem Aleichem and Judah Leib Gordon

Mikhail Krutikov (University of Michigan, Ann Arbor, USA)

Preston R. Tisch Professor of Slavic and Judaic Studies, University of Michigan, Ann Arbor

E-mail: krutikov@umich.edu

ID ORCID: 0000-0002-3853-4118

Abstract: The introduction to Aleksandr Frenkel’s publication of nine letters by the Yiddish writer Sholem Aleichem and the Hebrew poet Judah Leib Gordon situates this correspondence in the cultural-historical context of the late 1880s, when the issue of the “Jewish” language came to occupy a prominent place in the Jewish cultural agenda. The introduction elucidates Sholem Aleichem’s tactics in promoting his project of publishing the *Yiddish Folk Library* almanac by recruiting prominent figures such as Gordon, and it traces the evolution of Gordon’s attitude toward Yiddish from strongly negative to cautiously positive.

Keywords: Yiddish Literature, Hebrew, Publishing, Sholem Aleichem, Judah Leib Gordon

DOI: 10.31168/2658-3364.2018.1.4.2

References

- Berkovitsh Y.-D. Mit der mishpokhe fun shriftshteler // Dos Sholem-Aleykhembukh. New York, 1958.
- Cammy J. Judging The Judgement of Shomer: Jewish Literature versus Jewish Reading // Arguing the Modern Jewish Canon. Cambridge (Mass.), 2008.
- Kresl G. A historishe polemik vegn der yidisher literatur // Di goldene keyt. 1954. No. 20.
- Novershtern A. Sholem-Aleykhem un zayn shtelung tsu der shprakh-frage // Di goldene keyt. 1971. No. 74.
- Remenik G. Sholom-Aleikhem. Moscow, 1963.
- Stanislawski M. For Whom Do I Toil?: Judah Leib Gordon and the Crisis of Russian Jewry. New York, 1988.